

Неделя, 1977, 14
5 сентября

на соискание Государственной премии СССР

ОЧИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Сегодня имя Валентина Распутина — одно из самых популярных писательских имен.

Его повести «Деньги для Марии», «Живи и помни», «Последний срок», «Прощание с Матерой» заслужили прочное читательское признание. Валентин Распутин представлен на соискание Государственной премии СССР 1977 года.

Как же начинался писатель Распутин? С этого вопроса началась и наша беседа с Валентином Григорьевичем.

— По образованию я журналист, окончил Иркутский университет. Начинал с молодежной газеты. На третьем году работы послали меня подготовить очерк о лесозаготовителях в один из районов Иркутской области. Я такой очерк написал. Но мне сказали, что очерка не публикуется, материал ближе к рассказу. Это подсказка редактора и послужила толчком к серьезному отношению к литературе. Рассказ назывался «Я забыл спросить у Лешки» и был опубликован в нашем иркутском литературном альманахе «Ангара» в 1961 году.

Долго ничего не писал, но в 1965 году к совещанию молодых сибирских писателей в Чите подготовил несколько рассказов. На этом совещании я попал в семинар Владимира Чивилихина. Быть может, попади я к кому-нибудь другому, ничего путного из меня бы не получилось. Рассказы, как я сейчас понимаю, были излишне манерными, не всегда сделаны со вкусом, что ли, но Чивилихину они все-таки понравились. Отдельной книжкой — называлась она «Человек с этого света» — рассказы вышли в 1967 году. По этой книге в том же 1967 году меня приняли в Союз писателей. Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла, по существу, моя вторая книга, в которую вошли все четыре повести, публиковавшиеся в литературных журналах. Как видите, за десять лет сделано немного, я пишу долго и трудно.

— Как бы вы сами сформулировали главную направленность своей работы?

— Это разговор сложный. Критики причисляют меня к представителям так называемой деревенской прозы. Я считаю такое деление — деревенская проза, городская, военная, молодежная и т. д. — очень условным. Свою работу и работу своих коллег по деревенской прозе скорее охарактеризовал бы как нравственное исследование личности. Когда писателю удается задевать «больные» места в отношениях между людьми и в какой-то мере в отношениях человека с самим собой — это всегда интересно читателю. Часто слышишь на мой взгляд, неглубокие суждения, что, дескать, для нас, пишущих о «деревне», патриархальщина — главная цель. Это не так. Писатели этого направления, как и все, активно выступают против устаревших традиций деревенской жизни, против тягот крестьянского труда. Но очень важно, чтобы, переходя в новые условия труда, быта, человек не утратил значительные и прекрасные нравственные завоевания прошлой жизни.

оставался бы душевно добрым и открытым.

— Что для вас самое главное в соотношении герой — время?

— Любовь и ненависть, жизнь и смерть, добро и зло... Категории те же, что и раньше были в литературе и жизни, но время уже другое, и перед художником неминуемо возникает проблема: как писать на эти темы, как показывать людей? Для меня важно суметь сделать особый поворот в сюжете. Писатель должен искать какие-то неожиданности в поведении своих героев. Плохо, когда читатель представляет, как поступит герой в следующую минуту. И порой приходится идти на обман читателя. Вместо очевидного — повернуть в другую сторону, пустить его в обход, а потом доказать, что это было необходимо, естественно. В «Живи и помни» как воевал у меня Гуськов? Если одним словом, то хорошо. Но он становится предателем, пусть и невольно. Однако человек, хотя бы раз ступивший на дорожку предательства, проходит по ней до конца. Теперь о Настене. Читатель был готов к ситуации, когда она или сама выдаст своего мужа, или заставит его прийти с повинной. Но Настена не делает ни того, ни другого. И я должен был это доказать — и доказать так, чтобы у читателя было полное основание поверить в необходимость и правомерность ее поступков. Если бы она поступила по-иному, это уже была бы другая повесть, которую должен был бы написать другой автор. А мне

кажется, что я сумел доказать естественность поступков Настены. Если бы Гуськов сам пошел и признался в содеянном, была бы одна расплата, а то, что он губит ближних своих, — расплата другая и, на мой взгляд, гораздо более суровая.

— Какие явления и грани жизни интересуют вас сейчас?

— По-прежнему главный мой интерес — в сфере нравственного изучения личности. Живем мы все лучше и лучше, но всегда ли лучше становится сам человек?

Я начал новую повесть. Действие происходит в новом поселке. Но не могу с уверенностью сказать, что работу эту я скоро закончу. У меня часто так бывает: начинаю, однако если материал не захватывает, не кажется тем единственным, что необходимо именно сейчас, то останавливаюсь, откладываю его. Может быть, так произойдет и теперь.

— Вы начинали с журналистики, основа которой — факт, документ. В этой связи вопрос: насколько документальны ваши прозаические произведения?

— Будучи журналистом, я написал две книжки очерков о людях современной Сибири, ее стройках — Братской, Саяно-Шушенской ГЭС, дороге Абакан—Тайшет. Но потом понял, что продолжать работать в этом направлении мне не следует — не хуже, а порой лучше это делают писатели приезжие. Целесообразнее направить силы, казалось мне, на изучение близких нам, сибирякам, проблем и явлений жизни земляков. Конечно же, документальность лежит в основе моих произведений, но это документальность не обстоятельства, а характеров.

— Читателям всегда интересно заглянуть в творческую лабораторию писателя. Не расскажете ли вы о своих приемах работы?

— Начинаю писать тяжело, очень тяжело — страница полторы в день. Чаще всего не знаю, что будет в следующей главе. Постепенно материал проясняется, впереди брезжит финал повествования, я уже представляю, как к нему подбираться, и тогда пишу очень много, часто не хватает дня. Пишу карандашом, к сожалению, очень мелко, приходится потом самому перепечатывать написанное. Пробовал писать крупнее, чтобы могла разобрать машинистка, — ничего не получается. Мне кажется, что не могу сосредоточиться, мысли ползут сухие, слова — избитые. Пробовал сразу печатать на машинке — тот же результат. Возникает ощущение какой-то механизации этого тонкого дела — творчества. Ты и чи-

стый лист бумаги — вот для меня непременное условие литературного труда.

— Много говорят о языке ваших повестей. Читателей радует его свежесть, образность, неповторимость. Ваше мнение о языке своих произведений?

— Не считайте за нескромность, но я считаю, что языку, каким пишут «деревенские» писатели — Астафьев, Белов, выучиться нельзя. Этот язык принадлежит только им и их героям, с которыми они долго жили, впитали его. Мои сибиризмы — это моя терминология, язык, на котором говорят сибиряки.

Когда я учился в университете, я заставлял себя ломать привычный мне язык, стремился подыскивать другие слова, но для меня это было все равно, что учить немецкий или французский и, главное, думать на другом, незнакомом для себя языке. Меня частенько одергивали, иногда довольно резко, но, как видите, исправить не удалось. Один читатель пишет мне: «Как может писатель в наше время употреблять в авторской речи слово «портал»? Это значит утопал, ушел куда-то. Употребляю я это словечко в «Живи и помни». Но для меня это самое точное слово, любой синоним искажает известный мне с детства смысл. Может быть, я иногда излишне пользуюсь сибирскими словечками, диалектами, но, поверьте, это не нарочитость, это мои слова. Я думаю на этом языке и, естественно, пишу на нем.

С языком героев, безусловно, есть некоторые особенности. Когда я начинаю работу, то составляю словарь. Старуха, скажем, должна произносить такие слова и обороты, другая старуха — несколько иные, потому что каждый человек владеет активно именно «своими» словами и оборотами.

Языком традиционной литературы я владею менее уверенно и понимаю это. Естественно, я не буду писать, полужим, о лещиках или моряках — для меня это незнакомая область. Но о горожанах в обычных жизненных ситуациях писать буду. Тогда, конечно же, придется «поджимать» свой деревенский язык, но русский язык, исконно русский язык, на мой взгляд, и ныне присущ современному городу.

— Какие проблемы раскроют будущие книги писателя Распутина?

— Очень хочу коснуться городской тематики, но особенно написать роман или повесть, как получится, о любви. Однажды я начал такую работу, написал довольно много, затем отложил — показалось, что еще не созрел. Думаю, сейчас очень нужны книги о светлой, настоящему чистой любви.

Беседу записал А. МАЛИНОВ.

Фото Н. Кочнева.